

Александр Скидан

Факт, теория, Дюшан:

«THE PRESENT WORK» МАТВЕЯ ЯНКЕЛЕВИЧА

Поэма Матвея Янкелевича «The Present Work» вышла в 2006 году в виде брошюры нестандартного для поэтических книг увеличенного формата в калифорнийском издательстве «Palm Press» тиражом 200 экземпляров. Через год Матвей прилетел в Петербург и подарил ее мне с трогательной надписью на двух языках. Тем летом мы много гуляли по местам, связанным с Хармсом (на его доме к столетнему юбилею как раз установили памятную доску), и вели долгие разговоры. Матвей был погружен тогда в переводы обэриутов. Перевел он и «Облако в штанах» Маяковского.

В поэме чувствуются отголоски этой работы, причем не только на уровне отсылок и перифраз, но и на уровне конструкции как целого, разомкнутой в драматическое многоголосие. Как, например, в стихотворении Введенского «Факт, Теория и Бог» речевые акты совершают одноименные концептуальные персонажи (а еще Вопрос, Ответ, Кумиры и Душа), так здесь «берут слово» Синописис, Транскрипт, Клочок бумаги, Мертвый Дада, Тем Временем и другие акторы. Казалось бы, отличное подспорье для переводчика «обратно» на русский! Но именно русский авангардный субстрат на поверку оказался одним из главных камней преткновения, застопоривших перевод на многие годы. Я очень долго не мог, что называется, попасть в тон. Ложное узнавание, обманчивая близость. Это как с Гюставом Курбе, «одним из крупнейших художников XIX века», «основоположником реалистической школы в живописи», автором «Манифеста реализма» (1855) — казалось бы, все так, но что имеет в виду Дюшан, когда говорит: «Все началось с Гюстава Курбе»? Что «все»? Реалистическая тенденция в живописи? «Плоскостной» эффект? Тот факт, что жюри Салона регулярно отвергало его картины, как позднее будут отвергнуты — и не раз — работы самого Дюшана? Что организовал первую независимую (негосударственную) выставку, проложив дорогу автономии искусства, будучи при этом приверженцем социалистических идей? Приветствовал Парижскую коммуну, возглавил комиссариат по культуре и руководил низвержением Вандомской колонны (точнее, выдвинул идею переноса ее в другое место в качестве музейного экспоната, но революционные массы решили по-своему)? В интервью Дюшана, фраза из которого стоит в эпиграфе к поэме и является своеобразным дада-сюрреалистическим (ложным?) ключом к ней, прямого ответа на этот вопрос не найти.

Прорыв произошел в 2018 году. В один присест я вдруг перевел первую часть поэмы, включая список «действующих лиц» (это своего рода интермедия). Наконец-то удалось найти точный баланс бурлеска и отчаяния, пронизывающих эту вещь, не впадая в подражание отечественным образцам — ведь у поэмы отчетливо американская дикция. И отчетливо американский — на самом деле панамериканский, трансконтинентальный — бэкграунд, в основе которого история (в том числе транспортировки) «Большого стекла» Дюшана, знакового модернистского произведения-жеста. Что-то вроде спроецированного на сверттехнологичный американский ландшафт «Идите и останавли-

вайте прогресс» (Малевич — Хармсу). Кризис искусства (*techné*) здесь накрепко повязан политическим, назревавшим давно и неотступно. Сегодня кажется, что «В рабочем режиме» предвосхищает массовые волнения в США 2020-го, пандемического года, это отдельная сложная (ибо слишком очевидная) тема. Но то, что поэма окрашена в милленаристские цвета, — факт. Река по имени Факт образует ее мощное подводное течение. По-английски «fact» почти омонимичен «art», по крайней мере так слышит Матвей Янкевич, автор-билингв. Надо уметь переставлять буквы в истории.